Валерий ШАРАПОВ

МЕСТЬ старого особняка

Здесь живые
опаснее призраков
прошлого

Советская милиция. Эпоха порядка

Валерий Шарапов

Месть старого особняка

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Месть старого особняка / В. Г. Шарапов — «Эксмо», 2026 — (Советская милиция. Эпоха порядка)

ISBN 978-5-04-248384-4

Романы о настоящих героях своей эпохи — сотрудниках советской милиции, людях, для которых служебный подвиг — обыденное дело. 1975 год. На Арбате во время сноса старого дома обнаружен сейф с драгоценностями. Вечером того же дня в строительном вагончике находят тело молодого рабочего с проломленной головой. Что это — результат дележа добычи? Майор юстиции Владимир Родин выходит на подозреваемого, которого видели вместе с убитым. Тот, ранее судимый, признается в совершенном преступлении. Но Родин ему не верит. В сейфе находился футляр с клеймом императорского ювелира, но самого изделия в нем обнаружено не было. Не нашли его и при обыске у подозреваемого. Уникальная вещь бесследно исчезла. Окончательно запутывает следствие убийство пожилой свидетельницы, к которой незадолго до этого приходил неизвестный, интересовавшийся планом старого дома… Это было совсем недавно. Когда честь и беззаветная преданность опасной профессии были главными и обязательными качествами советских милиционеров…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248384-4

© Шарапов В. Г., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог 7
Глава 1 12
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Валерий Георгиевич Шарапов
Месть старого особняка

* * *

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Пролог

Надсадный рев дизеля ЯАЗа рвал тишину арбатских переулков. Экскаватор Э–153, лязгнув гусеницами по битому кирпичу, вгрызся в остатки стены особняка. Ковш, клацнув, выдрал кусок штукатурки, обнажив старую почерневшую кладку.

Сидорчук стоял в стороне и прикуривал «Беломор». Пахло известковой пылью, ржавчиной и поздней осенью – прелыми листьями, что кучами сгребали вдоль Смоленской набережной. Низкое октябрьское небо давило серостью. График сноса висел на волоске: к первому ноября площадка должна быть чиста.

– Николай Иваныч! – заорал экскаваторщик, высунувшись из кабины. – Тут металл! Ковш не берет!

Сидорчук сплюнул окурок в пыль и махнул рукой: «Глуши». Дизель, всхлипнув, затих. В наступившей тишине отчетливо стал слышен лязг цепи – ветер гонял по пустырю обрывок арматуры.

– Что там? – Он подошел ближе, запрыгнул на груду обломков.

Экскаваторщик, пожилой мужчина в промасленной телогрейке, ткнул пальцем вниз. Из-под груды битого кирпича и гнилых балок торчал край проржавевшего металла. Угол, обитый почерневшим железом, с выпуклостями клепки.

– Сейф, – сказал Сидорчук. Он спрыгнул вниз, обошел яму. Сейф лежал на боку, наполовину уйдя в подвальный грунт. Старый, еще дореволюционной работы, с затейливыми литыми ручками, давно съеденными коррозией. – Чей-то схрон. Давай его наверх, Семеныч. Только аккуратно.

Ковш экскаватора, лязгнув, поддел сейф. Металл противно заскрипел, но выдержал. Сейф, покачиваясь, поплыл в воздухе, рассыпая ржавую труху. Его опустили на утрамбованную площадку, где обычно складировали арматуру.

К месту уже стягивались рабочие. Бригада была небольшая: Сазонов, Артем Басов да двое молодых подсобников. Сазонов, мужик лет сорока с нагловатым прищуром, подошел первым, пощупал замок.

– Ни хрена себе хозяйство! Тяжелый, зараза! Там червонцы, что ли?

– А ну отойди, – отодвинул его плечом Сидорчук и сам обошел находку. Сейф был вмазан в стену подвала, это ясно. Значит, дом ставили на сейф, а потом заложили кирпичом. Хозяева прятали добро основательно.

– Вскрывать будем? – подал голос Басов. Худой, небритый, с затравленным взглядом, он стоял чуть поодаль, пряча руки в карманы ватника.

Сидорчук посмотрел на него, потом на Сазонова и кивнул:

– Вскроем. В присутствии всей бригады, чтобы потом вопросов не было. Тащи кувалду, Басов.

Басов метнулся к вагончику. Вернулся с тяжелой кувалдой, на ходу перехватывая черенок.

– Бей по замку, – посоветовал Сидорчук и показал на проржавевшую личинку.

Басов со всей силы размахнулся. Удар пришелся вскользь – металл высек искру, но замок даже не дрогнул. Руки у Басова дрожали – то ли от холода, то ли от нервов.

– Дай сюда! – вырвал у него кувалду Сазонов. Сплюнул на ладони, поплевал, размахнулся шире, и тяжелый, сочный удар обрушился на замок. Лязг металла разнесся по пустырю. Сазонов бил еще и еще, уже с ожесточением. Пот градом катился по его лицу, прочерчивая светлые дорожки на серой от пыли коже. Искры летели во все стороны. Наконец замок, жалобно хрустнув, отвалился.

– Есть! – выдохнул кто-то из подсобников.

Сазонов отбросил кувалду, рванул дверцу. Та поддалась не сразу, пришлось дергать с силой, обдирая пальцы о ржавчину. Наконец дверца, проскрипев, распахнулась, и в полумраке сейфа тускло блеснуло золото. Внутри, на дне, аккуратными стопками лежали монеты – царские червонцы. Поверх монет – несколько ювелирных украшений: брошь с камнями, серьги, пара колец. А в углу, на самом верху, лежал небольшой футляр из темно-синего бархата – потертый, но с четким золотым вензелем на крышке.

– Мать честная… – прошептал Сазонов, и рука его сама потянулась внутрь. Пальцы дрожали мелко, противно, он это чувствовал, но остановиться не мог.

– Стоять! – рявкнул Сидорчук.

Сазонов замер, но руку не убрал. Дыхание у него сбилось, стало частым, поверхностным.

– Всем отойти! – скомандовал Сидорчук и шагнул к сейфу. – Это государственное имущество. Надо составить акт, вызвать…

– Кого вызвать? – перебил его Сазонов. – Милицию, что ли? Ты чего, Николай? Это же клад, по закону – нам четвертая часть. Делить надо.

– Кто тебе сказал, что четвертая? – подал голос Басов. – Там за «рыжье» монет сорок дают.

– А ты уже сидел, тебе виднее, – огрызнулся Сазонов. – Молчи уж, фраер.

– Заткнулись оба! – повысил голос Сидорчук, но уверенности в нем поубавилось. Сазонов прав – часть причиталась. Но оформлять официально – это недели волокиты, опись, прокуратура, эксперты. График снова встанет, а сверху давят: к дате надо площадку сдать.

– Я предлагаю, – начал Сидорчук медленно, – по-рабочему. Составляем опись, сдаем начальству, а там пусть разбираются.

– Так и разберутся, – хмыкнул Сазонов, запустил руку в сейф, выгреб пригоршню монет. Затем ссыпал их в карман ватника и сгреб еще со словами: – Мне за вредность положено.

– А ну, положь! – рванулся к нему Басов. – Ты чего, паскуда? Всем поровну!

– Пошел ты! – Сазонов толкнул Басова в грудь. Тот отлетел к груде кирпича, поскользнулся и упал.

– Работает он тут… Руки коротки, – хмыкнул Сазонов.

Сидорчук видел, как Басов вскочил, побелев от злости, как сжал кулаки. Остальные рабочие замерли, не зная, что делать. Двое подсобников пятились к экскаватору.

– Хватит! – заорал он, выхватил из рук Сазонова монеты, которые тот еще держал в руках, и швырнул их обратно в сейф. Часть упала мимо, покатилась по пыльной земле. Рабочие бросились их подбирать.

Сазонов уже никого и ничего не слышал, он совал монеты во все карманы. Басов, поднявшись, тоже полез в сейф, торопливо хватая червонцы дрожащими пальцами.

– Все, хорош! – Сидорчук рявкнул так, что даже экскаваторщик вздрогнул. – Работу закончили! Завтра утром решим, что с этим делать. Сейф оттащите в вагончик. Все, разошлись!

Он шагнул к сейфу, оттесняя рабочих, взял в руки футляр и открыл.

Пусто. Внутри, на белом атласе, осталось только углубление – след от давно исчезнувшего украшения. Футляр был старый, но бархат еще хранил запах духов. Или показалось? Вензель – буквы, переплетенные в затейливую вязь. «А. Б.»? Дорогая работа, еще дореволюционная.

Где-то было само украшение. То, что ценнее всех этих монет.

Сидорчук незаметно сунул футляр за пазуху и обернулся на скрип.

В окне дома напротив, того, что еще не снесли, колыхнулась занавеска. Дом был старый, с облупившейся лепниной, с чугунным козырьком над подъездом – такие еще держались в арбатских переулках. В окне третьего этажа стояла женщина. Невысокая, сухонькая, в темной кофте. Она не отрываясь смотрела на стройку, будто видела не экскаватор и груду кирпича, а что-то другое. Из открытой форточки доносился голос Левитана, который читал сводку.

Сазонов перехватил взгляд Сидорчука и хмыкнул:

– А, Ксения Львовна, учительница старая. Всю жизнь здесь прожила. Говорят, еще тех хозяев помнит. Я у нее позапрошлый год полы стелил – она мне сама рассказывала. Вот, все смотрит, как дом ломают. Скоро и ее выселят.

– Помолчи! – отвернулся от него Сидорчук.

Когда он поднял глаза снова, окно было пусто. Только занавеска еще колыхалась, словно кто-то только что отошел в темноту комнаты.

– Сазонов, – окликнул Сидорчук, – тащи сейф в вагончик. Остальные – по домам. Завтра в семь, как обычно. Опоздаете – вычту.

Довольно ухмыляясь, тот взвалил сейф на тачку и покатил к бытовке. Басов пошел следом, злобно косясь на него. Остальные, переглядываясь, потянулись к выходу со стройплощадки.

Оставшись один, Сидорчук достал футляр, еще раз осмотрел. Про этот дом говорили разное: что владелец был ювелиром, что перед революцией спрятал ценности, да так и не вернулся. А неделю назад сотрудник архитектурного бюро Суханов сказал ему, когда он чертежи старой планировки смотрел: «Там, батенька, не один тайник был. При перестройке в двенадцатом году второй сделали, потайной. Хозяин хитрый был». Тогда Сидорчук не придал словам Суханова значения. А теперь футляр лежал в кармане. Значит, где-то рядом и само колье, или брошь, или диадема.

Тем временем Басов шел через пустырь, сжимая в кармане монеты. Тяжелые, круглые, с двуглавым орлом. Он то и дело оглядывался – не смотрит ли кто? – и спотыкался о битый кирпич.

Стройка осталась позади. Впереди, за дощатым забором, начинались переулки – кривые, темные, с редкими фонарями. Там, в полуподвале, была его комната в общежитии. Сосед храпел, пахло щами и сыростью. Денег на метро не было – пришлось идти пешком через весь Арбат.

Он сунул руку в карман, нащупал монету, поднес к глазам. В свете дальнего фонаря блеснуло золото. Царский червонец. На одной стороне – профиль, на другой – двуглавый орел. Басов не разбирался, кто там нарисован, но монета была тяжелая, настоящая.

– Эй, гражданин! – вдруг окликнул его кто-то из темноты.

Басов вздрогнул, выронил монету. Она покатилась по асфальту, звякнула. Он бросился на колени, шарил руками в пыли, пока не нащупал. Сердце колотилось где-то в горле. А из темноты вышел мужчина с собакой. Пес фыркнул, клацнул зубами о намордник. Мужчина посмотрел на ползающего Басова, покачал головой, прошел мимо.

Басов поднялся, отряхнул колени. Дыхание не унималось. Он пошел быстрее, почти бегом, и то и дело хватался за карман: там ли монеты, целы ли?

В подворотне, перед входом в общежитие, он остановился. Прислонился спиной к холодной стене, закрыл глаза. В ушах все еще стоял лязг кувалды и голос Сазонова: «Мне за вредность положено».

– Чтоб ты подавился, – прошептал Басов.

Вечерело. Низкое небо темнело, фонари на набережной еще не зажглись. Со стороны стройки доносился лязг – Сазонов возился в вагончике. Сидорчук пошел на звук.

Вагончик стоял в углу площадки, рядом с грудой строительного мусора. Внутри горел свет – Сазонов включил голую лампочку под потолком. На столе, рядом с грязной кружкой и номером «Вечерней Москвы» за четырнадцатое октября, были разложены монеты, а сам он сидел на табурете, перебирал их, слюнявил пальцы, складывал столбиками. Глаза у него блестели, дыхание сбивалось – он то и дело облизывал губы.

Сидорчук приоткрыл дверь, шагнул внутрь.

– Николай, – Сазонов поднял голову. – Ты глянь, золото, царское. Червонцы. Тут на квартиру хватит, а то и на две. Заживем!

– Слушай, Сазонов, – Сидорчук закрыл за собой дверь. – Там был футляр. Что в нем было?

– А?

– В футляре, говорю, что было? Ты ж его первым взял. Украшение где?

Сазонов поморгал, потом ухмыльнулся:

– А, футляр. Пустой был, Николай, я ж глянул. А че?

– Куда дел?

– Да никуда. В сейфе оставил. А че? Ты за него переживаешь?

Сидорчук промолчал. Взгляд его скользнул по вагончику. На гвозде у двери висела монтировка.

– Ты не темни, Сазонов. Украшение где? Колье? Брошь?

– Да нет там ничего, говорю же! – Сазонов встал, лицо его стало злым. – Ты че, мент, что ли? Мне мое причитается, и баста. А футляр… может, Басов спер, пока мы тут? Он шустрый, хоть и трус.

– Басов не брал, – Сидорчук шагнул ближе. – Я видел, как ты футляр в карман сунул, когда сейф открыли.

Сазонов замер. Глаза его забегали.

– Ну, сунул. Пустой же. Выкинул где-то.

– Врешь!

Тишина в вагончике стала плотной, как известковая пыль, осевшая на губах. Слышно было, как за стеной ритмично стучит двигатель экскаватора – Семеныч прогревал машину перед ночной сменой. Стук был ровным, как метроном, только медленный.

Сазонов дернулся к столу, попытался сгрести монеты в карман, но Сидорчук перехватил его руку:

– Сядь!

– Пусти! – рванулся Сазонов, но Сидорчук держал его крепко. В глазах Сазонова плеснулся страх, сменившийся злобой. – Ты че, начальник? Решил все себе забрать? Думаешь, самый умный?

– Я сказал, сядь!

И тут неожиданно Сазонов его ударил. Кулаком, наотмашь, целя в лицо. Сидорчук увернулся, и удар пришелся в плечо. Тогда Сазонов с силой толкнул его, пытаясь вырваться, и рванул дверь вагончика. Но Сидорчук уже схватил монтировку с гвоздя.

Сазонов обернулся, увидел монтировку в руке Сидорчука, и зрачки его расширились, рот приоткрылся.

– Ты… ты че, Николай? Спятил? Из-за футляра? Да на, забери его! – он полез в карман, вытащил футляр, швырнул на пол. – Забери и убирайся! Монеты мои!

Сидорчук не смотрел на футляр. Он смотрел на Сазонова.

– Мне Суханов, архитектор, говорил, – тихо сказал он, – что тайники в старых домах могли быть двойными. А Ксения Львовна – ну, та училка – рассказывала, когда я у нее ремонт делал, что в том доме и впрямь двойной тайник сделали. При перестройке, в двенадцатом году. Вроде она сама там то ли жила, то ли служила. Может, и родственница хозяев. Ты знал?

– Ничего я не знал! – закричал Сазонов. – Отпусти, гад!

Он рванулся к двери, Сидорчук шагнул вперед, и монтировка, описав короткую дугу, встретилась с затылком Сазонова. Звук был глухим, влажным. Сазонов осел на пол, даже не вскрикнув, и уткнулся лицом в грязный линолеум.

Сидорчук стоял над ним, тяжело дыша. Монтировка выскользнула из пальцев, упала рядом с телом. На металле, в сгустках пыли, темнело что-то влажное. Кровь медленно растекалась по линолеуму темной лужей, подтекая под монтировку.

Стук экскаватора за окном не смолкал, работал ритмично, как часы, так что Семеныч ничего не слышал.

Сидорчук наклонился, поднял футляр с пола, обтер его рукавом. Потом разжал мертвые пальцы Сазонова, все еще сжимавшие горсть монет. Золото глухо звякнуло, падая обратно на стол.

Он вытер руки о ветошь, что висела на спинке стула. На пальцах осталась кровь, смешанная с пылью. Потом тщательно снова вытер их и спрятал футляр во внутренний карман спецовки.

Еще раз посмотрел на тело. Сазонов лежал лицом вниз, раскинув руки. В луже крови отражалась тусклая лампочка. Рядом, наполовину в крови, валялась монтировка.

Сидорчук шагнул к двери, приоткрыл ее. Холодный воздух ударил в лицо. На стройплощадке было темно, только фары экскаватора светили вдаль, выхватывая из темноты груды кирпича и торчащую арматуру. Семеныч сидел в кабине и курил, глядя в ночь.

Сидорчук вышел из вагончика и закрыл за собой дверь.

Он шел через пустырь, и хруст остатков кирпича под ногами был единственным звуком, кроме ровного стука экскаватора. Пыль, поднятая за день, оседала на губы – горькая, известковая, скрипящая на зубах. В кармане, у самого сердца, лежал футляр. Тяжести в нем не было, но Сидорчук чувствовал его вес.

На середине пустыря он остановился. Обернулся.

Вагончик стоял в углу площадки. В его окне горел свет. Свет был желтым, тусклым, но в темноте горел ярко, как маяк.

Сидорчук смотрел на этот свет долго. Потом перевел взгляд на окна соседнего дома – того, где жила Ксения Львовна. Там было темно. Только на третьем этаже мелькнул огонек и погас. Что это было: спичка? Свеча?

Он отвернулся и пошел дальше.

А экскаватор все стучал. Ритмично, ровно, как будто ничего не случилось…

Глава 1

Телефон зазвонил резко, с металлическим дребезжанием, от которого на стене зашевелилась пожелтевшая бумажка с графиком дежурств.

Владимир Игнатьевич Родин мельком глянул на часы – стрелки показывали без пяти восемь – и снял трубку на втором гудке:

– Родин слушает.

– Товарищ майор, дежурный по городу. Труп на стройке, в районе Арбата. Сносимый квартал между Смоленской набережной и улицей Воеводина.

Родин уже доставал блокнот, раскрывал на чистой странице. Шариковая ручка привычно легла в пальцы.

– Адрес точный?

– Улица Воеводина, дом семь. Но фактически – стройплощадка, снос. В бытовом вагончике обнаружен труп, предварительно – Сазонов Григорий Михайлович, рабочий. Сообщил прораб участка в семь двадцать.

– Кто на месте?

– Участковый лейтенант Ильин. Криминалиста вызвали, едет. Ваши уже в курсе.

Родин записал адрес, фамилию погибшего. Блокнот был старый, в коленкоровом переплете, страницы испещрены мелким убористым почерком.

– Мои – это кто?

– Сотрудники МУРа. Мы им сообщили, товарищ майор. Капитан Зайцев в списке на выезд.

– Хорошо. Соедините меня с Зайцевым.

– Есть!

В трубке зашуршало, щелкнули контакты, потом дальний женский голос сказал: «Третий, на линии». И почти сразу – знакомый, чуть хрипловатый голос Зайцева:

– Слушаю.

– Петр, это Родин. Ты где?

– На Петровке, Владимир Игнатьевич. Только что получил ориентировку. Еду?

– Едем. Адрес: Воеводина, семь. Стройка на месте сноса. Я выезжаю, встретимся на месте.

– Понял. Буду через двадцать минут.

Родин положил трубку. На столе слева – стопка заявлений, требующих резолюции, справа – вчерашние протоколы, не подписанные. Но все это подождет. Он накинул плащ – темно-серый, еще довоенного покроя, но добротный, – проверил, на месте ли удостоверение во внутреннем кармане. Протер запотевшие очки и надел.

В коридоре прокуратуры было тихо – начало рабочего дня, народ только подтягивался. Из-за двери напротив доносился голос секретарши, диктующей кому-то по телефону исходящий номер. Родин прошел к лестнице, спустился, кивнул вахтеру, дремавшему в своей стеклянной будке.

Машина ждала у подъезда – старенький «Москвич–412» с блеклым номером, закрепленный за прокуратурой. Шофер, молодой парень в кителе без погон, дремал за рулем.

– На Воеводина, Сережа, – Родин сел на заднее сиденье, захлопнул дверцу. – Стройка на месте сноса, за Арбатом.

Машина, чихнув, завелась и тронулась с места, разбрызгивая лужи.

«Москвич» приткнулся у забора через двадцать минут. Рядом уже стояли милицейский «уазик» и темно-синяя «Волга» – Зайцев приехал раньше.

Родин вышел, огляделся. От некогда сплошной застройки между Смоленской и Арбатом остались лишь фрагменты стен, торчащие, как больные зубы. Два дома разобрали до фундамента, третий – угловой, с остатками лепнины на фронтоне, – стоял полуживой, с проваленными окнами и снесенной крышей. Везде громоздились кучи битого кирпича, арматуры, гнилых балок. Экскаватор замер у груды обломков, его ковш, вгрызшийся в кладку, застыл на месте. Дождь моросил, и пыль, обычно поднимавшаяся от работы, оседала, превращаясь в липкую грязь под ногами. Губы сразу стали горькими от известковой взвеси.

Зайцев стоял у раскрытой двери строительного вагончика, переговариваясь с участковым. Увидев Родина, шагнул навстречу. Капитан был в кожаной куртке, кепка надвинута на глаза, из-под нее торчал мокрый нос.

– Владимир Игнатьевич! – он крепко пожал руку майору. – Ильин уже опросил тех, кто нашел: прораба и двоих рабочих. Сейчас они там. – Зайцев кивнул в сторону экскаватора, где маячили фигуры в спецодежде. – Вагончик не трогали, только дверь открыли.

– Криминалист?

– Внутри. Ждет вас.

Родин подошел к вагончику. Обычная строительная бытовка: обитая ржавым железом, с одним зарешеченным окном. Дверь была распахнута. Он шагнул внутрь и сразу ощутил тяжелый сладковатый запах – кровь, смешанная с махоркой и потом. В полумраке свет давала только голая лампочка под потолком, включенная, видимо, кем-то из тех, кто нашел труп. Сразу бросилось в глаза тело. Мужчина лет сорока, в ватнике, лежал на спине поперек вагончика, раскинув руки. Голова повернута набок, в сторону двери. Под затылком – лужа крови, уже почти черной, загустевшей. Кровь пропитала опилки, рассыпанные по полу, и казалась маслянистой, неестественно темной при свете лампочки.

У стены, с фотоаппаратом наготове, стоял эксперт-криминалист Михаил Борисович – сухой старик с вечно недовольным лицом, в очках с толстыми линзами. Он кивнул Родину, не здороваясь:

– Ждал вас, Владимир Игнатьевич. Осматривать будем?

– Давай. Понятые есть?

– У входа двое подсобников, которые с прорабом пришли. Я их уже предупредил, чтоб не уходили.

Родин остановился у порога, не заходя внутрь, достал блокнот, ручку.

– Осмотр места происшествия производится… – он глянул на часы и записал время. – Понятые: Егоров Сергей Петрович, Васильев Иван Иванович – рабочие стройуправления. Что видишь, Михаил Борисыч?

– Тело в позе, не характерной для падения, – заговорил криминалист, поправляя очки. – Лежит на спине, руки раскинуты. При падении с высоты собственного роста человек либо группируется, либо падает лицом вниз, выставляя руки. Здесь же – как бросили.

– Следы борьбы?

– Есть, – ответил эксперт и повел рукой. – Стол сдвинут, табурет опрокинут. Вон у стены, на гвозде – монтировка. Следов крови на ней не вижу, но отправлю на экспертизу.

Родин шагнул чуть ближе, стараясь не наступать на предполагаемые следы. Взгляд скользнул по столу – дощатому, покрытому клеенкой в запекшихся пятнах. На столе – россыпь золотых монет. Царские червонцы. Часть рассыпана, часть сложена в столбик, будто их пересчитывали. Рядом – пустая пачка сигарет, спички, граненый стакан с недопитым чаем.

– Монеты, – негромко сказал Зайцев. – Царские. Откуда они на стройке?

– Сейф нашли вчера при сносе, – подал голос участковый Ильин. – Прораб говорит, в стене был вмурован, дореволюционный. В нем это все и лежало.

Родин подошел к телу и опустился на корточки, стараясь не задеть лужи. Лицо Сазонова – осунувшееся, небритое, с навеки застывшей гримасой то ли боли, то ли удивления. Глаза

открыты, зрачки расширены. На затылке – рваная рана, волосы слиплись от крови. Ударили его тупым тяжелым предметом.

Он перевел взгляд на руки. Пальцы сжаты, в складках ладоней – въевшаяся грязь, цементная пыль. Но на правой руке, на указательном и среднем пальцах, – свежие ссадины, кожа содрана и странное покраснение, будто пальцы что-то с силой сжимали.

– Следы на пальцах зафиксируй отдельно, Михаил Борисыч, – сказал он, поднимаясь. – И под ногтями посмотри.

Криминалист кивнул, щелкнул затвором фотоаппарата. Вспышка вырвала из полумрака лицо убитого, на секунду сделав его похожим на живого: глаза блеснули, тени на щеках дрогнули. Потом свет погас, и лицо снова ушло в серость. Михаил Борисович перемотал пленку, счетчик кадров щелкнул – двенадцатый, тринадцатый.

Родин подошел к столу. Монеты лежали неровной горкой. Он не трогал их, только смотрел. Червонцы с профилем Николая Второго. Золото тускло поблескивало даже при этом скудном свете.

– Сколько, примерно?

– На глаз – десятка два, – сказал Зайцев.

Родин повернулся к понятым, стоящим у входа:

– Подойдите. Видите монеты на столе? Сколько их?

Рыжий парень, переминаясь с ноги на ногу, заглянул внутрь:

– Двадцать три штуки. Я вчера считал, когда в сейфе лежали.

– Запомните, сейчас внесем в протокол.

Он снова повернулся к столу. Взгляд упал на край – под монетами что-то белело. Родин осторожно сдвинул червонец ручкой. Клочок бумаги, вырванный из тетради, с карандашной записью: «Сид. – 3, Саз. – 10, Ос. – 5».

– Что это?

Зайцев заглянул через плечо:

– Похоже, раскладка, кто сколько взял: Сидорчук – три, Сазонов – десять, остальным – по пять.

– Зафиксируй, – Родин передал листок криминалисту, – и сними отпечатки.

Михаил Борисович взял бумагу пинцетом, упаковал в конверт, расписался на нем, передал Родину. Тот тоже поставил подпись и обратился к понятым:

– Распишитесь, что видели факт изъятия.

Рыжий и второй парень, близоруко щурясь, расписались.

– Теперь монеты. Пересчитайте при всех и упакуйте.

Криминалист достал чистый конверт и пинцетом, стараясь не касаться пальцами, переложил монеты со стола в пакет. Пересчитал вслух: двадцать три. Заклеил, описал, и понятые снова расписались.

– Составляем протокол, – Родин достал бланк. – Михаил Борисыч, диктуй.

Эксперт, поглядывая в блокнот, начал диктовать:

– При осмотре места происшествия – строительного вагончика на стройплощадке по адресу…

Родин записывал, изредка поднимая глаза.

– Обнаружен труп мужчины… предварительно, Сазонова Г. М. На полу лужа крови диаметром… На затылочной части головы рана… На столе обнаружены и изъяты золотые монеты в количестве 23 штук…

Родин писал быстро, но разборчиво – привычка за двадцать лет работы. Закончив, передал понятым:

– Прочтите вслух.

Рыжий парень, шевеля губами, прочитал, кивнул и расписался.

– Тело можно увозить в морг, – сказал Родин криминалисту. – К вечеру постарайся дать предварительное заключение.

– Сделаем.

Они вышли из вагончика. Дождь почти перестал, небо чуть посветлело. Родин вдохнул сырой воздух – после запаха крови он казался почти сладким.

– Где прораб? – спросил он участкового.

– У экскаватора, с рабочими.

– Зови.

К ним подошел коренастый мужчина в ватнике, с прорабской папкой через плечо. Лицо простое, открытое, с крупными чертами, обветренное. Глаза серые, спокойные. Обычный рабочий человек, передовик, каких много.

– Сидорчук Николай Иванович, – представился он, протягивая руку.

Родин руку пожал, но представился официально:

– Майор Родин, прокуратура. Расскажите, как нашли тело.

– С утра пришли, как обычно. Я вагончик открыл – а он лежит. Я сразу назад, ребятам крикнул, чтоб не заходили, и побежал звонить. В семь двадцать позвонил, точно.

– Когда в последний раз видели Сазонова живым?

– Вчера, под вечер. Рабочий день кончился, все по домам разошлись. Он в вагончике остался. Говорил, перекурит и пойдет. Я ушел около шести. Экскаваторщик еще грел машину, я ему сказал, чтоб к утру заправил. А Сазонов остался.

– Один?

– Один. Ну, не знаю. Может, кто заходил потом, я не видел.

– Про сейф расскажите. Когда нашли, кто вскрывал?

Сидорчук вздохнул, потер щетинистый подбородок.

– Вчера днем, около трех. Экскаваторщик задел металл. Я распорядился вытащить. Сейф старый, дореволюционный, вмурованный в стену подвала. Вскрыли при всех. Там монеты, украшения кое-какие. Золото царское.

– Кто вскрывал?

– Басов сначала пробовал кувалдой, но у него руки дрожат. Потом Сазонов взялся, он и сбил замок.

– Сазонов, значит.

– Да. Он первый и полез. Я крикнул: «Стой, надо по закону, опись составить». Куда там – золото глаза застит. Сазонов монеты – в карман, Басов – за ним, начали толкаться. Я еле растащил.

– Дрались?

– Ну, не дрались, толкались. Басов говорит: «Всем поровну». Сазонов ему: «Я нашел, мне больше». Я велел сейф в вагончик оттащить, монеты туда же ссыпать. Сказал, утром решим, с начальством свяжемся. Ну, и разошлись. А утром – вот.

Родин слушал, записывал в блокнот. Взгляд его цеплялся за детали. Сидорчук говорил ровно, без запинки. Для человека, у которого на стройке убили рабочего, держался спокойно. Хотя, может, привык – работа нервная.

– Где Басов сейчас?

– А нет его. Утром не вышел. Я его и не видел с вечера.

– Адрес знаете?

– В общежитии он живет, на Смоленской улице, дом двадцать. Там строительное общежитие.

– Сами монеты брали?

Сидорчук помолчал секунду, потом полез во внутренний карман спецодежды, достал три золотых червонца:

– Взял, грешен. Думал, сувенир, на память. Дом старый, красивый был. – Он протянул монеты Родину и добавил: – Вот, сдать хотел сегодня начальству. А тут такое…

Родин взял монеты, повертел в пальцах, передал криминалисту:

– Изыми, Михаил Борисыч, оформи как добровольную выдачу.

Криминалист достал еще один конверт, упаковал монеты, составил акт, Сидорчук расписался.

– Опишите, что еще было в сейфе, кроме монет.

– Украшения были. Брошь с камешками, серьги, кольца. И футляр.

– Футляр?

– Маленький, бархатный, темно-синий, с вензелем. Старый, потертый и пустой.

– Пустой?

– Пустой. Я открыл – ничего нет. Только ямочка от украшения, как будто долго лежало что-то, а потом вынули.

Родин записал: «Футляр бархатный, пустой, с вензелем».

– Где футляр сейчас?

– В сейфе оставил. А сейф в вагончик отнесли, должен там быть.

Родин повернулся к понятым:

– Зайдите, посмотрите, есть ли футляр в вагончике? Темно-синий, бархатный.

Парни заглянули внутрь, постояли, потом рыжий понятой высунулся:

– Нету, товарищ начальник, никакого футляра. Только монеты на столе, и все.

Родин посмотрел на Сидорчука, и тот пожал плечами:

– Странно. Может, Сазонов куда задевал или Басов взял.

– Возможно. Вы, Николай Иванович, никуда не уезжайте, еще вопросы будут.

– Да куда мне ехать? Работать надо, график горит, – кивнул Сидорчук.

Родин отошел, жестом подозвал Зайцева:

– Что скажешь, Петр?

– Басов сбежал – это плохо для него. Монеты у него наверняка есть. Если найдем с поличным – считай, дело закрыто. Ссора, драка, удар монтировкой… – Зайцев почесал затылок. – Но футляр этот… пустой, а пропал. И записочка с раскладкой: Сазонов десять взял, Сидорчук – три. А на столе – двадцать три. Значит, остальные либо при убитом, либо у Басова.

– Если Басов убил и забрал монеты, зачем ему футляр? Он ведь пустой. И куда делись остальные монеты? У Сазонова при себе ничего нет. Карманы проверяли?

– Проверяли. Пусто.

– Значит, либо убийца забрал, либо Сазонов их кому-то отдал до смерти. Зацепись за футляр, Петр. Это единственное, что не складывается.

Зайцев кивнул.

Родин перешел дорогу, лавируя между лужами. Трехэтажный дом напротив стройки еще не тронули сносом. Когда-то он был великолепен – купеческий особняк с местами сохранившейся лепниной, высокими окнами и чугунным козырьком над крыльцом. Но теперь представлял собой жалкое зрелище. Парадная дверь давно потеряла ручку, лестница пахла кошками и вареной капустой.

Ильин свесился через перила со второго этажа и доложил:

– Первый этаж уже расселили, не живет здесь никто. На втором – одна семья осталась, с маленькими детьми, двойней. Говорят, ничего не видели и не слышали вчера. Здесь всего год, переехали из Подмосковья. Но рассказали, что на третьем еще остались жильцы. И главное, в четвертой квартире, в восьмой комнате, обитает пенсионерка. Говорят, она здесь всю жизнь. Может, что-то и знает.

– Идем, – кивнул Родин и шагнул на лестницу.

На третьем этаже Ильин уже вошел в общий коридор, по обе стороны которого были двери.

– Здесь, товарищ майор. Квартира четыре, комната восемь. Ксения Львовна, пенсионерка.

– Почему квартира четвертая? – удивился Родин. – Здесь же три этажа, и вроде как по квартире на этаж.

– Не совсем, товарищ майор. На первом этаже два крыла: в одном – большая гостиная, во втором – комнаты прислуги. После революции, при национализации, им и присвоили номера – первый и второй. Второй и третий этажи – хозяйские, их просто поделили на отдельные комнаты. Общежитие сделали, в общем.

Родин кивнул, и Ильин постучал в комнату номер восемь.

Дверь открыла женщина. Невысокая, сухонькая, в темном платье и шерстяной кофте, с седыми волосами, убранными в пучок. Очки в тонкой металлической оправе. Лицо интеллигентное, спокойное, с мелкими морщинками у глаз.

Родин достал удостоверение и представился:

– Майор Родин, прокуратура. Разрешите войти, Ксения Львовна?

– Проходите, товарищи. – Голос у нее был тихий, но четкий.

Комната оказалась небольшой, но светлой – даже в пасмурный день. У окна стояло пианино, на крышке – стопки нот. На стене – фотографии в рамках, старые, еще дореволюционные. В углу – книжные полки. Пахло сухими травами – чабрецом или мятой, разложенными в марлевых мешочках. И аромат этот смешивался с едва уловимым запахом «Красной Москвы», теплым и пряным.

– Присаживайтесь, – Ксения Львовна указала на стулья. – Я сейчас чай поставлю…

– Не беспокойтесь, мы по делу. Вы вчера вечером что-нибудь видели со стороны стройки?

Она села напротив, сложив руки на коленях, и ответила:

– Видела. Я вообще много вижу из окна. Привычка еще с войны – смотреть на улицу. А вчера там шум был. Кричали.

– Во сколько?

– Около шести, может, чуть позже, уже темнело. Я как раз ужинала. Услышала голоса, подошла к окну. Двое мужчин шли к вагончику. Я их знаю в лицо – они на стройке работают. Один – тот, которого убили сегодня, Сазонов. Другой – молодой, худой – Басов.

– Уверены?

– Да. Они часто мимо проходят. Басов такой неспокойный, все время озирается. А Сазонов – нагловатый, шумный. Они шли и ругались. Я слышала обрывки: «ты мне должен», «не твое дело». Потом зашли в вагончик.

– И долго там были?

– Не знаю. Я отошла от окна. Но минут через двадцать снова крик был. Уже не просто ругань, а именно крик. И звук такой… глухой, как будто ударили чем-то тяжелым.

Родин записывал, не поднимая глаз.

– Вы уверены, что это был звук удара?

Ксения Львовна помолчала, подбирая слова, и ответила:

– Я в войну жила в Москве. Бомбежки слышала. И потом… в коммунальной квартире всякое бывает. Когда ударят – звук особый – глухой, тяжелый. Я тогда подумала: подрались. Но выходить не стала – поздно уже, да и страшно.

– После этого кто-нибудь выходил из вагончика?

– Не видела. Я еще постояла у окна, посмотрела – фонарь там горит. Никто не вышел. Потом стемнело совсем, я отошла.

– А раньше, до этого, вы не замечали ничего необычного? Может, кто-то интересовался стройкой, домом этим?

Ксения Львовна взглянула на Родина внимательнее и чуть склонила голову:

– Интересовались. Недели две назад приходил один человек. Интеллигентный такой, с фотоаппаратом. Спрашивал про этот дом, – она кивнула в сторону окна, за которым виднелись руины особняка, – про историю, про владельцев. Я ему рассказала, что знала.

– Кто такой?

– Не знаю. Не представился. Сказал, что из музея, изучает старую Москву. Но я не проверяла. Он вежливый был, расспрашивал про тайники, про клады.

– Про клады?

– Да. Я еще рассмеялась тогда. Сказки это, говорю. А он настаивал: может, легенды какие ходили? Ну, я вспомнила, что до революции владелец дома был ювелиром, говорили, прятал ценности в двойных стенах. В двенадцатом году, при перестройке. Но это слухи, конечно. После революции искали эти тайники, да никто не нашел ничего.

Родин перестал писать.

– А человек этот, с фотоаппаратом… Как он выглядел?

– Лет сорок пять – пятьдесят, в очках, одет скромно, но чисто. Руки тонкие, длинные пальцы. Интеллигентный. Говорил правильно, как по писаному.

Родин достал из внутреннего кармана бланк протокола допроса.

– Ксения Львовна, я сейчас запишу ваши показания официально. Вы прочтете и подпишете. Это важно.

– Конечно, товарищ майор.

Родин писал быстро, но аккуратно, иногда поднимая глаза, чтобы уточнить детали. Закончив, передал лист свидетельнице. Та надела очки, прочитала внимательно, кивнула:

– Все верно.

– Распишитесь здесь и здесь.

Ксения Львовна расписалась – старомодным, с нажимом, с завитушками почерком.

Родин спрятал протокол в папку и сказал:

– Спасибо. Если еще что вспомните – вот телефон прокуратуры. – Он протянул ей карточку с номером. Ксения Львовна взяла, посмотрела, спрятала в карман кофты и спросила:

– А что случилось-то? Убили кого?

– Разбираемся. Вы, пожалуйста, дверь запирайте на ночь.

– Запираю, товарищ майор. Привычка, – усмехнулась она уголком губ.

На лестнице Зайцев не выдержал:

– Слышали? Ювелир, тайники. И человек с фотоаппаратом за две недели до убийства.

– Слышал. Но пока у нас есть Басов с монетами и свидетели, которые видели их ссору. А все остальное – слухи.

– А футляр?

– Футляр – это да. Это факт.

Они вышли на улицу. Небо совсем посветлело, сквозь тучи пробивался мутный свет. У вагончика их ждал участковый Ильин:

– Товарищ майор, я обошел остальных жильцов. Никто ничего не знает, не видел, не слышал. Все только и ждут своей очереди на новую жилплощадь. Зато вот что! Басова нашли. В общежитии взяли. Пьяный, при нем монеты – пять штук царских. В отделение доставили.

Родин кивнул:

– Едем.

Районное отделение милиции находилось в двух кварталах, в старом здании с толстыми стенами. В дежурной части шумел громкоговоритель, передавая сводку.

Басова привели в кабинет дознавателя. Он стоял у стены, покачиваясь. Худой, небритый, с сизым носом и затравленным взглядом. Ватник расстегнут, рубаха грязная, на лбу – ссадина, как будто падал. Руки тряслись, он то сжимал их в кулаки, то прятал в карманы.

Дознаватель, старший лейтенант с усталым лицом, сидел за столом и заполнял протокол задержания.

Родин вошел, Зайцев за ним. Басов дернулся, узнавая форму, и еще больше сжался.

– Садись, – старший лейтенант кивнул на табурет.

Басов сел, неловко, чуть не свалившись.

– Монеты где?

Сотрудник выдвинул ящик стола, достал прозрачный пакет. Внутри – пять золотых червонцев.

– При нем были. В кармане ватника. Изъяты при понятых, составлен акт.

Он протянул Родину бумагу. Родин просмотрел – все оформлено. Подпись Басова стояла, кривая, нетрезвая, но стояла.

– Где взял?

Басов дернул плечом, глядя в пол.

– На стройке.

– Когда?

– Вчера.

– Врешь! – Родин говорил спокойно, даже равнодушно. – Вчера вы с Сазоновым сейф вскрывали. Монеты оттуда. Сколько всего взял?

Басов молчал, только сжимал пальцы.

– Сазонов убит, – сказал Родин. – Ты знаешь?

Басов дернулся, поднял глаза. В них плеснулся страх.

– Не убивал я! Я ничего… Мы поссорились вчера, да. Он меня толкнул, я упал. А потом я ушел. Я монеты взял, да. Пять штук. Но не убивал!

– Рассказывай.

Басов заговорил – сбивчиво, торопливо, проглатывая слова:

– Сейф нашли. Вскрывали. Я кувалдой бил – не получилось. Сазонов бил, открыл. Там монеты, украшения, футляр какой-то. Сазонов сразу в карман полез. Я говорю: «Всем поровну». А он: «Пошел ты, я нашел». Сидорчук нас растащил, велел все в вагончик снести, утром решать. Мы понесли. А Сазонов все ворчал, что ему больше надо. Я разозлился. Вечером пришел к нему в вагончик, говорю: «Давай делить по-честному». А он опять: «Пошел ты». Я его толкнул, он меня ударил. Ну, мы подрались немного. А потом я ушел.

– Куда ушел?

– В общежитие. Водки взял, напился. Хотя так-то я и не пью совсем. Ну, если пива только кружечку… А утром – милиция.

– В котором часу ты от него ушел?

– Не помню. Темно уже было. Часов шесть, наверное, может, семь.

– Сазонов был жив?

– Жив!

Басов даже вскочил, но Зайцев положил руку ему на плечо, усадил обратно.

– Жив, говорю! Я его не убивал!

– А монтировку, которая у двери висела, видел?

– Видел. Она там всегда. А что?

– Сазонова ею убили. Удар по затылку.

Басов побелел. Губы его задрожали.

– Не я… Я не брал монтировку. Я руками только… Он первый ударил…

– Кто мог еще прийти после тебя?

– Не знаю! Никого не видел. Я ушел – и все.

– А футляр? Бархатный, синий. Куда делся?

– Какой футляр? – Басов заморгал. – Не брал я. Он в сейфе остался. Я монеты только взял. И Сазонов много взял. А футляр… он пустой был, я видел. Зачем он?

– Где ночевал?

– В общежитии. Комендант видел, как я в двенадцать пришел. Пьяный совсем. Сказал: «Завтра выговор сделаю».

– Комендант подтвердит?

– Должен. Мы с ним в коридоре столкнулись.

Зайцев переглянулся с Родиным. Если комендант подтвердит, у Басова алиби на время после полуночи. А убийство, по предварительным данным, произошло между шестью и восемью часами вечера.

– Посиди пока, – сказал Родин. – Разберемся.

Они вышли в коридор.

– Что скажешь, Владимир Игнатьевич?

– Скажу, что Басов либо очень хорошо врет, либо говорит правду. Коменданта проверь. И еще – опроси всех, кто был на стройке вчера. Кто уходил последним, кто мог вернуться.

– Сделаю.

В этот момент из кабинета начальника отделения вышел дежурный, поманил Родина:

– Товарищ майор, вас к телефону. Из прокуратуры.

Родин взял трубку. Голос говорившего был сухой, официальный:

– Владимир Игнатьевич? Это Лосев, начальник следственного отдела.

– Слушаю, Виктор Семенович.

– У вас там труп на стройке?

– Так точно. Осмотр провели, есть подозреваемый.

– Слушай, Родин. Только что звонили из районного исполнительного комитета. Давят. График сноса этого квартала под угрозой. Объект важный, к дате надо площадку сдать. А вы там с осмотрами – стройка стоит. Дело ведь ясное? Рабочие подрались из-за клада, один другого – монтировкой. Басов этот – ранее судимый, его с поличным взяли. Что там еще копать? Оформляй быстро, закрывай и передавай в суд. Чтоб завтра уже все было тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.